

ВИНА С ПОЗИЦИЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ (В РАМКАХ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ)

Конкретизируются вопросы методологического анализа категории «вина» в юриспруденции с позиций гуманистической методологии. Даются аргументированные ответы в рамках научной дискуссии по вопросам об актуальности проблемы вины в настоящее время, ее природе, важности учета души человека и связанных с ней явлений для уголовного права и юриспруденции в целом.

V. P. SHIYENOK

GUILT FROM THE PERSPECTIVES OF HUMANISTIC METHODOLOGY (WITHIN THE SCHOLARLY DISPUTE)

Issues of methodological analysis of category “guilt” in jurisprudence are specified from the perspectives of humanistic methodology. The questions about applicability of guilt issue at present time, about its nature, importance to consider human soul and phenomena, related to it, for criminal law and jurisprudence in general are answered to in science discussion.

ШИЕНОК
Владимир Петрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра современных технологий НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

Введение

Прошло более 10 лет с момента опубликования первых работ автора, посвященных вопросам создания гуманистической методологии национальной юриспруденции. Несмотря на выраженную новизну и необычность основной мировоззренческой идеи этой концепции, ее подходов к исследованию многочисленных проблем современной отечественной юриспруденции, научной дискуссии по существу поставленных вопросов в научной литературе практически не возникало, имелись лишь единичные ссылки на некоторые работы автора. Однако организация широкой научной дискуссии являлась и является одной из задач создания новой методологии юриспруденции, о чем неоднократно упоминается в ранее опубликованных работах. Следует констатировать, что начиная с прошлого года ситуация постепенно начала меняться. В юридическом сообществе Беларуси расширяется обсуждение идей гуманистической методологии. Научная дискуссия началась с публикации рецензии профессора А. Ф. Вишневого, содержащей философско-правовой, общеторетический анализ концепции гуманистической методологии. Вторая работа этого известного белорусского ученого, где затрагиваются конкретные вопросы гуманистической методологии и дается ее общая оценка, была опубликована в текущем году [1]. Однако самым примечательным является тот факт, что в этом же году в научную дискуссию активно включились ученые отраслевых наук, в первую очередь – уголовного права [2]. Таким образом, со всей определенностью следует констатировать положительную динамику в решении одной из задач создания новой методологии национальной юриспруденции, которой являлась организация широкой научной дискуссии по данной проблеме.

Основная часть

Происходят реальные изменения в информационном пространстве национальной юриспруденции, вызванные к жизни научной дискуссией по сути идей гуманистической методологии о человеке, его душе, необходимости их приоритетного рассмотрения юридической наукой. Одна из работ автора, посвященная методологическому анализу категории «вина» в современной юриспруденции [3], вызвала особый интерес, без преувеличения можно сказать, даже взволновала некоторых коллег.

Публичная дискуссия по этому вопросу развернулась в рамках Международной конференции по проблемам методологии юридической науки, состоявшейся в Академии МВД Беларуси 28 апреля 2017 года. В силу важности категория «вина» для теории права в целом и для юридической ответственности в частности, отраслевых и прикладных юридических наук, а также судебно-следственной и иной юридической практики, считаем необходимым конкретизировать ранее высказанные суждения по основным вопросам категории вины в контексте развернувшейся дискуссии. Главным оппонентом автора выступил доктор юридических наук, профессор В. М. Хомич, опубликовавший отдельную статью в сборнике материалов данной конференции. Как пишет В. М. Хомич о ней и своем состоянии во время ее подготовки, «эта статья – естественная реакция вибрирующей, отягощенной интеллектуальными соображениями души (угрызениями совести), на один из очерков доктора юридических наук, профессора В. П. Шиенка «Методологический анализ категории “вина” в современной юриспруденции» (названные статьи приведены с ошибкой. Ошибка исправлена автором. – В.Ш.). [4]. Не берусь комментировать данное утверждение, поскольку оно скорее отражает эмоцио-

нально-психическое состояние В. М. Хомича, чем выступает аргументом в научной дискуссии. Однако, думается, что это состояние каким-то образом повлияло на конкретное содержание суждений и логику (а местами ее отсутствие) их изложения нашим коллегой.

Так, мы не можем согласиться с оппонентом, что «...автор очерка с первых страниц (вместо анализа категории вины, ее сущности и обоснования в современной юриспруденции) обрушивается с критикой на психологическую концепцию вины, феномено-правовую конструкцию ее описания и закрепления в законе» [4]. Это не так. Никакой тотальной, обвальской и тому подобной критики какой бы то ни было концепции вины, конкретных авторов и их взглядов в данном очерке вообще нет, тем более с его первых страниц. Это факт, который В. М. Хомич сам подтверждает последующими предложениями. «Обоснованием критического анализа и последующего методологического повествования о категории “вина” объявляется тезис, что вопрос о сущности вины “был и продолжает оставаться остро актуальным как в советской, так и в современной белорусской юриспруденции”» [4]. Все правильно. Что здесь не так? Оказывается, оппонент в принципе не согласен с актуальностью научного обсуждения теорий вины и дискуссионностью многих их положений, в том числе в интерпретации так называемой, психологической школы. Или коллега не знал о наличии проблемных вопросов в теории вины, а после прочтения очерка автора стал испытывать угрызения совести¹ и резко озоботился данной проблемой? В любом случае актуальность проблемы вины для теории права в целом и уголовного в частности налицо. Достаточно сказать, что в теории государства и права независимой Беларуси этот вопрос вообще не подвергался научным исследованиям на монографическом уровне, отсутствуют также специальные научные статьи. Несколько иное положение в исследовании вины сложилось в уголовном праве, где данной категории периодически уделяют внимание, в том числе в комплексных научных исследованиях. Достаточно сказать, что только в течение последних пяти лет в стране были изданы две монографии и защищена одна докторская диссертация, в которых проблема вины были посвящены специальные разделы. Нельзя также не отметить работы белорусского ученого С. Е. Данилюка, исследующего данную проблему уже на протяжении многих лет, являющегося сторонником оценочной школы вины [5]. Странно, что специалист в уголовно-правовой теории В. М. Хомич отрицает эти очевидные научные факты и вместо объективного анализа и серьезных доводов схоластически рассуждает о том, «... почему доселе происходит такое безобразие в науке уголовного права и на практике? Как можно терпеть такие душевные страдания науки уголовного права» [4]. Не можем комментировать подобные сентенции, скорее всего, это опять личные переживания коллеги. Именно в связи со своей актуальностью категория «вина» активно разрабатывается в науке

уголовного права. Здесь мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию, когда исследования в области общей теории права, вернее их отсутствие, вынуждает ученых-отраслевиков брать на себя вопросы разработки общетеоретических категорий, к которым, без сомнения, относится вина. Вот почему в своем очерке мы вынуждены были сделать акцент на уголовно-правовую теорию вины, иллюстрируя тем самым общеметодологические проблемы, стоящие перед национальной юриспруденцией.

Говоря об актуальности проблемы теоретической разработки вины в уголовном праве в современный период, белорусский ученый И. О. Грунтов (считаем правильно) пишет, что «...легальное определение вины в ч. 1 ст. 21 УК не закрывает в целом научную страницу по вопросу о природе и содержании вины» [6, с. 20]. Однако для В. М. Хомича мнение И. О. Грунтова, видимо, мало что значит. Тогда может быть для него что-то значит мнение одного из видных ученых советской юридической школы И. С. Ноя, который писал, что «понятие виновности в уголовном праве занимает одно из центральных мест. Однако оно до сих пор менее всего исследовано в уголовно-правовой науке... Сущность проблемы в том, что в действующем законодательстве виновность (вина) сведена к умыслу и неосторожности...» [7]. По всей видимости, мнение этого признанного в СССР специалиста в области уголовного права и криминологии В. М. Хомич просто игнорирует или не знаком с ним. Для него, кажется, все просто и понятно – научно-практической проблемы вины просто не существует как в уголовном праве, так и в юриспруденции в целом. Как это ни прискорбно констатировать, сказанное свидетельствует как минимум о глубоком заблуждении нашего оппонента по вопросу об актуальности обсуждаемой проблемы.

Уголовный закон (ст. 21 УК) и соответствующая научная и учебная литература при определении вины используют термин «психическое отношение» («психологическое», «внутреннее»). Повторим общеизвестный факт, что слово «психология» происходит от древнегреческого «психэ» – «душа» и «логос» – «учение», что означает знание (учение) о душе. Очевидно, что наука о душе (психология) не может отрицать, во-первых, факт существования души, во-вторых, исключать ее закономерности из своего предмета. Соответственно психологическая теория вины в уголовном праве также должна автоматически признать существование души и начать исследовать влияние этого феномена на противоправное поведение человека. К сожалению, пока вопрос о душе отсутствует как на мировоззренческом, так и на прикладном уровне методологии отечественной юриспруденции. Это утверждение в полной мере справедливо и применительно к отраслевым и прикладным юридическим наукам. Вопрос о человеке как системе, объединяющей в себе духовную и материальную стороны существования (душу и тело), является центральным в разрабатываемой автором концепции гуманистической методологии. Справедливость и значимость для науки этой новой для национальной юриспруденции идеи прямо подтвердил и В. М. Хомич, который утвердительно ответил на наши публичные вопросы на конференции о признании наличия души у человека и необходимости ее рассмотрения в рамках психологи-

¹ Угрызания совести рассматриваются психологами в качестве синонима чувства вины как мучение, терзание себя вследствие осознания своего неправильного поступка, поведения, своей вины [Электронный ресурс] // Нац. психологическая энцикл. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/termin/ugryzenija-sovesti.html>. – Дата доступа 02.05.2017.

ческой школы (концепции). Более того, оказывается, что психологическая концепция вины, а теперь, конечно же, и сам В. М. Хомич, «... никогда не отрицала факта учета (оценки) души ... при выборе и реализации правонарушающего деяния» [4, с. 374].

Именно об этом (необходимости учета существования души и связанных с ней явлений) мы пишем в своих работах, посвященных разработке гуманистической методологии национальной юриспруденции. Реакция нашего оппонента в данном случае легко прогнозируема по известной трехзвенной схеме принятия новой идеи любым сообществом: «этого не может быть – в этом что-то есть – ну кто этого не знает». Мы с большим удовольствием цитировали бы ваши работы, уважаемый коллега, если бы в них Вы исследовали проблемы уголовного права с позиций человека и его души. Причем у Вас были для этого все основания и возможности. Тем более что ранее действовавший около 40 лет Уголовный кодекс Беларуси (1960 г.) содержал норму (ст. 103), предусматривающую уголовную ответственность за совершение умышленного убийства в состоянии сильного душевного волнения. Кроме того, в ст. 11 этого же Кодекса говорилось, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния» [8]. Факт использования законодателем терминов «душевная болезнь», «душевная деятельность» косвенно свидетельствует о признании факта наличия души человека и ее влияния на деяния последнего на государственно-правовом уровне. Однако В. М. Хомич этой проблемы, насколько нам известно, не касался, возможно, сознательно избегал ее. В действующем УК без достаточных для этого, на наш взгляд, оснований, отказались от использования этих терминов. И никакой дискуссии по этому поводу в доктрине не возникло. Однако, как бы там ни было, сейчас В. М. Хомич является нашим убежденным сторонником, может быть, формально, но все же он сторонник гуманистической концепции методологии юриспруденции, признавший необходимость изучения человека и феномена души в уголовном праве.

В своей работе о вине мы указываем на три основные школы (теории, концепции) вины, характерные для уголовного права советского и постсоветского периода: опасного состояния, психологическая, оценочная. В мире существуют и иные подходы к пониманию этого явления, например в странах с религиозной правовой системой. Многообразие точек зрения – норма для науки и социальной практики. Детальный анализ даже части этих теорий – нереальная задача в рамках одной статьи. Для этого авторы используют ссылки на монографии, иные источники авторитетных ученых, детально исследовавших тот или иной вопрос. В связи с этим вызывает недоумение: чем недоволен В. М. Хомич (?) в отношении ссылки на монографию белорусского ученого И. О. Грунова, в которой имеется специальная глава, посвященная

современным подходам к пониманию сущности вины в уголовном праве, где анализируются ее основные теории.

Далее наш оппонент со всей определенностью заявляет, что «в отечественной (национальной) и зарубежной доктринах уголовного права (классической и постклассической) сущность и обоснование вины всегда определялись и определяются на основе психологической природы вины». Трудно комментировать это похожее на армейский приказ утверждение. Тем более что перед ним В. М. Хомич соглашается с нашей оценкой трех основных школ вины как разноплановых как по существу вопроса, так и по методике исследования. Он пишет: «вот именно – разные по существу вопроса и обоснованию вины концепции (школы)» [4]. Его последующие, большей частью пространные рассуждения, призванные будто бы прояснить позиции оппонента о сущности вины, ее значимости для теории и практики юриспруденции, приводят к констатации наличия феномена внутренней свободы человека. Не добавляет ясности, а лишь усугубляет логику (вернее ее отсутствие) повествования утверждение В. М. Хомича, что «в социально-правовом отношении категория “вина” отражает, призвана зафиксировать прежде всего момент, характер и содержание упрека, а затем по возможности глубину и степень соответствующего упрека» [4]. Здесь он уже фактически становится на позиции оценочной школы. Так, один из ее основоположников, Б. С. Утевский писал, что понятие вины в качестве субъективной стороны состава уголовно-наказуемого деяния является лишь частью, одним из обстоятельств понятия вины как общего основания уголовной ответственности, служащей предметом общественной оценки судом наряду с другими обстоятельствами дела [9].

Не вызывает сомнения тезис о том, что легальное определение вины в ст. 21 УК Беларуси оставляет больше вопросов, чем дает ответов, особенно в плане понимания его содержания практическими работниками. Органы уголовного преследования в соответствии со ст. 89 УПК обязаны установить виновность обвиняемого в совершении преступления, т.е. его психическое отношение к содеянному. Все, кто имеет личный опыт практической работы в сфере уголовного судопроизводства, знают, что это отношение обвиняемого (вина) фактически определяется по косвенным признакам, характеризующим преступление, и является результатом оценки всей совокупности обстоятельств по делу. Это именно то, о чем писал Б. С. Утевский. Это действительно так. Например, обвиняемый, подсудимый может искренне считать себя виновным (испытывать чувство вины), но по результатам судебного разбирательства, такой человек может быть оправдан. Например, по делам о дорожно-транспортных происшествиях, повлекшим гибель пассажира транспортного средства, часто водитель искренне считает себя виновным в гибели человека, раскаивается, испытывает угрызения совести, предпринимает меры, чтобы загладить свою вину. Однако на предварительном следствии или в суде выясняется, что его действия не находились в причинно-следственной связи с наступившими общественно-вредными последствиями, к уголовной ответственности привлекается иной участник ДТП, который искренне считал себя невиновным. Это абсолютно реальная

практическая ситуация, а не пространные, высокопарные рассуждения о неких абстракциях. Немаловажен факт, что В. М. Хомич остается верен себе в своей непоследовательности на протяжении всей дискуссии. В завершение своей статьи он дает весьма оригинальную оценку практического уровня нашей юриспруденции в контексте установления мотива как элемента субъективной стороны преступления: «Да, наш отечественный правоприменитель не утруждает себя подобными размышлениями. Из всего многообразия мотивов, которыми движим человек в том числе при совершении преступления, он ограничивается пятью – восемью (корысть, месть, ненависть, карьеризм, хулиганские побуждения). А еще есть страх, любовь, ненависть, симпатия, желание помочь другу...» [4].

Очевиден факт использования при определении содержательной стороны вины с позиций психологической школы ряда строго не определенных в юридической науке терминов, что порождает значительные сложности в практической юриспруденции. Яркой иллюстрацией этого является трактовка многими учеными-юристами и практиками, такого системообразующего для понятия вины термина, как воля. Содержание данного термина в отечественной юриспруденции системному анализу и комплексному исследованию не подвергалось. В этом плане следует отметить, пожалуй, единственную фундаментальную для советской и нынешней юриспруденции общетеоретическую работу В. А. Ойгензихта «Воля и волеизъявление», написанную в классической манере того времени с позиций воинствующего материализма [10]. Следствием сложности и неизученности этой категории является тот факт, что большинство юристов-практиков (и не только) очень ограниченно понимают суть этого ключевого для определения вины термина. Так, согласно проведенному нами пилотному опросу большинство респондентов (77,5 %) понимают волю как желание либо то, что лежит в его основе. Такой подход действительно присутствует в юриспруденции, но он не единственный и далеко небезупречный. В основе желания лежит потребность, которая, будучи конкретизированной, становится желанием. Но желание может так и оставаться нереализованным по причине, например, лени или недостатка воли. Это очевидный факт, хорошо известный специалистам в области общей теории права. Вот что писал о сущности воли советский ученый В. А. Ойгензихт: «... психологическая наука, несмотря на дискуссии, в основном рассматривает волю как психический процесс, как категорию, имеющую регулятивную природу, сознательно регулятивную. Это очень важно для понимания воли в праве. ...волю можно определить как психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей и средств и применении усилий для их осуществления. Иными словами, воля – это единый комплексный процесс психического регулирования поведения (действий, поступков) субъекта» [10]. К нашему глубокому сожалению, оппонент, много раз повторяющий как заклинание слово «психология» и производные от него понятия, не видит разницы между желанием и волей, механически отождествляя их.

В. М. Хомич пишет, что, оказывается, «давно доказано, что соотношение между хотением (или волей) и правонарушающим деянием может варьироваться от преднамеренно осознаваемого желания его совершить до нежелания совершать его вследствие непредвидения в момент его совершения правонарушающих свойств этого деяния» [4]. Думается, что приведенный «научный» тезис вообще не поддается разумному толкованию и какой-либо интерпретации, способной хоть как-то прояснить позицию автора по данному вопросу.

Помимо воли В. М. Хомич своими рассуждениями по поводу интеллекта полностью подтверждает, делает незбылемым наш предыдущий тезис о неопределенности в юриспруденции ключевых терминов, используемых для раскрытия содержания вины, их сложности для понимания и практического применения. По его мнению, оказывается, «...психика человека изначально, с рождения интеллектуально социализирована, т. е. способна не просто отражать внешние объекты как механические препятствия для своего существования, но и оценивать их с позиций добра и зла (совести)» [4]. Следуя такой логике, интеллект присущ человеку с рождения, а следовательно, и устная речь, поскольку это взаимообуславливающие друг друга явления. Таким образом, остается один шаг до постановки вопроса о снижении возраста уголовной ответственности до младенчества (0 лет). Парадоксально, но именно к этому фактически подводит В. М. Хомич, в очередной раз допускающий воинствующее непонимание базовых категорий как теории юридической ответственности, так и методологии изучения человека в целом. Сознание есть врожденное качество человека, интеллект – приобретенное. Сознание человека, в отличие от животного, способно к формированию эго (личности), к самоосознанию («я есть»), формированию интеллекта и т. д. Животные руководствуются инстинктами, многие из которых присутствуют в человеке в полной мере. Для формирования интеллекта необходимо овладение речью как средством обработки, хранения и передачи информации. Вот почему дети, выросшие с младенчества в среде животных (такие факты до сих пор встречаются в странах Азии и Африки), не владеющие человеческим языком, не обладают интеллектом в обычном значении данного слова. Это базовая информация, простые очевидные факты, которые следует знать и принимать во внимание ученым, вступающим в публичную дискуссию по проблеме вины.

В чем причины системной непоследовательности, алогичности и других издержек повествования, пытающегося оппонировать гуманистической методологии автора? Полагаю, в том, что В. М. Хомич в своем эссе допускает серьезную методологическую (мировоззренческую) ошибку. Он отождествляет психологию с человеком, когда говорит о том, что все школы вины основаны на психологической природе вины. Иными словами, путает объект (человека) с малой толикой знаний о нем. Образно говоря, это можно сравнить с утверждением, например, что дети рождаются потому, что есть акушерство.

Заключение

Психология как наука о душе существует постольку, поскольку есть человек, обладающий душой. Причем психология упоминается В. М. Хомичем, как это было неоднократно проиллюстрировано, не как совокупность знаний, с ее конкретными школами, направлениями, а как некая абстракция, мантра, которая призвана обеспечить видимость серьезности позиции автора, в случаях отсутствия реальных аргументов. В качестве второй причины непоследовательности оппонента можем предположить невнимательное изучение им опубликованных работ по гуманистической методологии или прочтение только части либо одной из них. В таком случае становятся в какой-то мере понятными как стиль дискуссии, предложенный В. М. Хомичем, так и многочисленные неточности, искажения, логические изъяны в его рассуждениях.

С позиций разрабатываемой автором концепции гуманистической методологии вина как юридическая категория, как явление имеет место только применительно к человеку (в связи с его деяниями, его жизнью) либо группе людей. Она выражает диалектическую связь внутреннего и внешнего, психического и физического, индивидуального и социального уровней бытия. В психологии вина (чувство вины) трактуется чаще всего как эмоциональное состояние, в котором оказывается человек, осознавший, что он совершил что-то отрицательное, упрекает себя в

этом, переживает чувство стыда, раскаяния, угрызания совести [11]. Таким образом, чувство вины есть результат самооценки человеком своих действий, проведенной на основе внутренних и внешних критериев (норм, шкалы ценностей, мнений). Странно, что В. М. Хомич в своей эмоциональной апологетике психологической школы вины не знает или не замечает столь очевидных психологических положений. И наконец, любая научная классификация всегда в определенной степени условна, как условно деление теорий вины на психологическую, оценочную и т. д. Поэтому присвоение какой-либо из них исключительных прав, некоей монополии на истину вряд ли можно признать обоснованным. Общее, что объединяет эти школы, юриспруденцию в целом – это человек во всем многообразии своей жизни.

В заключение отметим, что широкая научная дискуссия по вопросу о создании новой методологии национальной юриспруденции, к которой мы призываем своих коллег уже не один год, началась. Спасибо, уважаемые коллеги. Полагаем, продолжение широкого научного обсуждения уже опубликованных идей гуманистической методологии, как и любых иных по существу данной проблемы, будет способствовать эффективному развитию юридической науки и практики, а также иных отраслей научного знания и социальной деятельности.

Список использованных источников

1. См.: Павлов, В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права / В. И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2011. – С. 283; Вишнеўскі, А. Ф. Чалавек як галоўная каштоўнасць юрыдычнай навукі і практыкі / А. Ф. Вишнеўскі // Право.by. № 5. – 2016. – С. 114–116; Вишневский, А. Ф. Современные проблемы, история и методология юридической науки / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 71.
2. См.: Грунтов И. О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм общей части уголовного законодательства / И. О. Грунтов. – Минск, 2017. – С. 16; Хомич, В. М. Безуспешный методологический анализ вины в национальной юриспруденции / В. М. Хомич // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 367–378.
3. См.: Шиенок, В. П. Методологический анализ категории «вина» в современной юриспруденции / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 138–151.
4. Хомич, В. М. Безуспешный методологический анализ вины в национальной юриспруденции / В. М. Хомич // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 367–368.
5. См.: Данилюк, С. Е. Конституционный принцип презумпции невиновности и уголовно-правовые проблемы вины / С. Е. Данилюк // Теоретические и прикладные проблемы применения уголовного закона. – Минск : Акад. МВД, 2011. – С. 37–66; Данилюк, С. Е. Проблема виновности в уголовном праве: опыт конституционного осмысления / С. Е. Данилюк // КонсультантПлюс. Комментарии законодательства / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
6. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : БГУ, 2012. – С. 20.
7. Ной, И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий / И. С. Ной // Советское государство и право. – 1982. – № 7. – С. 94–95.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1960 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
9. Утевский, Б. С. Вина в советском уголовном праве / Б. С. Утевский. – М., 1950. – С. 104.
10. Ойгензихт, В. А. Воля и волеизъявление / В. А. Ойгензихт. – Душанбе : Дониш, 1983.
11. Вина [Электронный ресурс] // Национальная психологическая энциклопедия. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/termin/vina.html>. – Дата доступа 05.05.2017.

11.05.2017